

## Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера

Л.М. Ермакова

Статья представляет краткий биографический очерк одного из пионеров отечественного японоведения – профессора Ореста Викторовича Плетнера (1892–1970), жившего и работавшего в Японии и награждённого за свою научную и педагогическую деятельность японским Орденом культуры IV степени. Главная цель статьи – публикация хранящихся в архиве учёного писем из Петрограда от его отца, В.И. Плетнера, и младшего брата, Олега Викторовича Плетнера, тоже известного японоведа. Эти письма – свидетельства истории российского японоведения, в них упоминаются имена выдающихся японоведов прошлого – Н.А. Невского, Е.Д. Поливанова, Н.И. Конрада. В то же время это живой отклик на события в России 1917–1918 гг.

**Ключевые слова:** история российского японоведения, Орест Плетнер, Олег Плетнер, В.И. Плетнер, публикация писем из архива.

Раньше мне уже случалось писать о профессоре Оресте Викторовиче Плетнере, его деятельности, его печатных трудах, его биографии. Еще 15 лет назад мною были опубликованы отдельные письма и открытки к профессору Оресту Плетнеру, написанные японским писателем Танидзаки Дзюнъитиро, а также известными японоведами – Н.И. Конрадом, С.Г. Елисеевым, М. Раммингом<sup>1</sup>, братом Олегом (тоже японоведом) и другими [1–3]. Тогда эти материалы были переданы мне дочерью профессора, Светланой Орестовной Плетнер-Хаяси.

Теперь обстоятельства изменились, старинный дом Плетнеров в центре Кобэ больше не существует. В настоящее время мне передан архив профессора полностью, в том числе его переписка. В этой публикации будут приведены письма, полученные в Японии Орестом Викторовичем Плетнером от его отца, Виктора Ивановича Плетнера, а также его младшего брата, японоведа Олега, с августа 1917 г. по апрель 1918 г., в критический период российской истории.

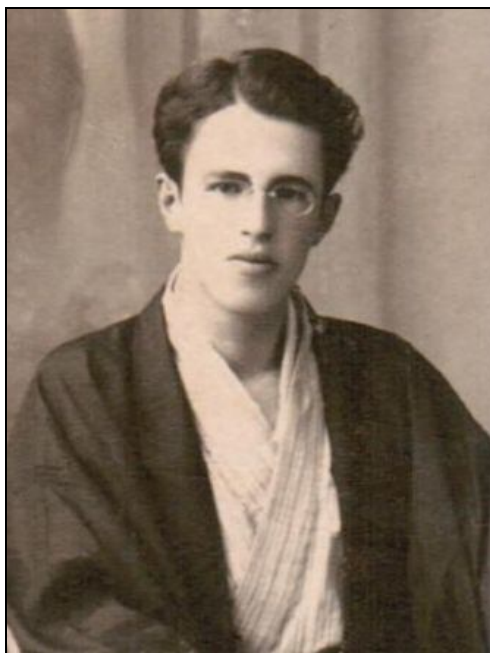
---

<sup>1</sup> Мартин-Готгард-Теодор Рамминг (1889–1988) вместе с О. Плетнером работал в Российском посольстве, после роспуска прежнего посольства до 1927 г. оставался в Японии, затем переехал в Германию; с 1947 г. в течение 15 лет возглавлял отдел восточноазиатских исследований Института востоковедения Академии наук ГДР.

Письма и открытки от отца – самая обширная часть хранившейся в доме переписки; по-видимому, отец писал сыну каждый день или через день, особенно сначала, пока почта работала исправно. Он нумеровал свои почтовые отправления, и сын, надо думать, отвечал ему так же.

Напомним о том, кто такой был Орест Викторович Плетнер, а также адресанты этих писем, его отец и младший брат.

Орест Викторович Плетнер, один из пионеров отечественного востоковедения, родился в Санкт-Петербурге 26 июля 1892 г. в семье обрусевших немцев дворянского происхождения (его отец был горным инженером, дед по матери заседал в Сенате). После окончания гимназии в 1911 г. Плетнер поступил на Восточный факультет Петербургского университета, где учился вместе с такими известными учёными, как Н.А. Невский, Н.И. Конрад, Е.Д. Поливанов, О.О. Розенберг, на курс моложе Невского и на три – Конрада. Среди его преподавателей были выдающиеся российские лингвисты Л.В. Щерба и И.А. Бодуэн де Куртене, а также замечательный синолог В.М. Алексеев.



В первый раз О.В. Плетнер побывал в Японии еще в 1912 г., студентом. С 1916 г. он, студент-дипломант, был прикреплен переводчиком-практикантом к Министерству иностранных дел и в этом качестве поехал в Токио. Летом 1917 г. вернулся в Петербург (уже ставший Петроградом), сдал выпускные экзамены на степень магистра и снова отправился в Японию для работы в составе дипломатического корпуса посольства Российской Империи (которой тогда оставались уже считанные месяцы).

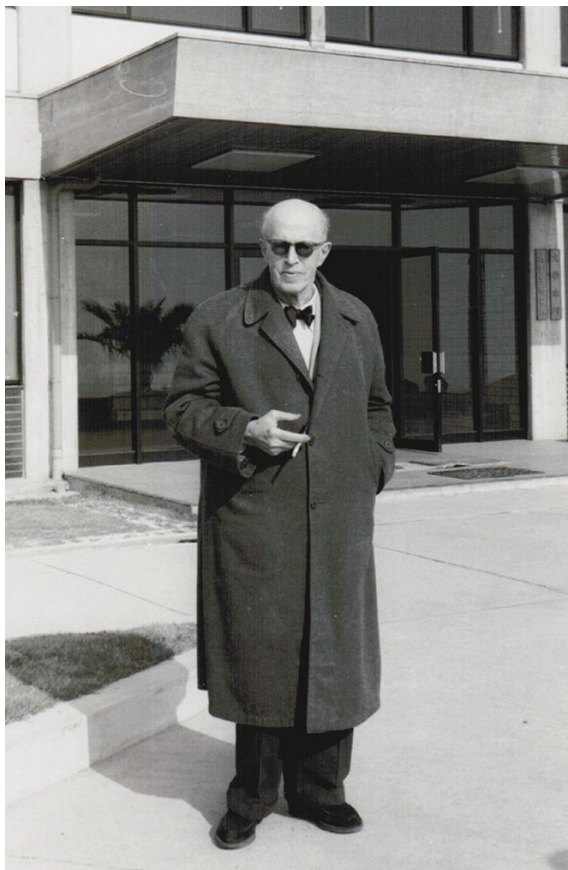
О.В. Плетнер становится одним из атташе посольства, но уже через несколько лет это посольство при царском правительстве оказывается распущенным, все дела передаются новому, советскому. Дипломаты прежней эпохи теперь должны были, так или иначе, решать свою судьбу. О.В. Плетнер уехал из Японии и 1922–1923 гг. провёл в Англии, Франции и Германии. Возвратившись в Японию в 1923 г., О.В. Плетнер работал в известных учебных

заведениях Японии того времени: в том числе, в Императорском университете Киото (ныне Государственный университет Киото), Осацком училище иностранных языков (ныне Осацкий государственный университет иностранных языков); с 1925 г. – в Училище иностранных языков г. Тэнри; с 1932 г. – во Франко-Японском институте (Киото), иногда читал лекции в Доме францужско-японской культур (Токио)<sup>2</sup> и др. Преподавал он общую лингвистику, русский язык, фонетику французского языка, а сам продолжал заниматься самыми разными лингвистическими проблемами, работал над учебниками русского языка.

В 1925 г. он женился на японке Кикю Хаяси (1904–1978), а 12 сентября 1926 г. У супругов родилась дочь, Светлана (Мая) Плетнер-Хаяси. В 1941 г. О.В. Плетнер с женой и дочерью переезжает во Вьетнам, тогда Аннам, часть французского Индокитая, где работает в Ханойском университете, преподавая вьетнамцам иностранные языки.

После войны, в 1950 г., учёный возвращается в Японию. Он продолжает свою педагогическую деятельность в институтах иностранных языков городов Осака и Кобэ, печатает научные работы и учебные пособия. В 1968 г. за свою научную и педагогическую деятельность он был награжден японским Орденом культуры IV степени.

О.В. Плетнер был одаренным лингвистом и полиглотом: учившиеся у него до сих пор помнят его рассказы о том, как ему снятся сны на шести языках...



Скончался О.В. Плетнер 29 января 1970 г. в возрасте 78 лет.

---

<sup>2</sup> Maison Franco-Japonaise.

Виктор Иванович Плетнер (1866–1923), отец О.В. Плетнера, судя по биобиблиографическим словарям, в 1889 г. учился в Константиновском межевом и горном институте в Петербурге. Стал губернским секретарем, работал в Земельно-заводском отделе Кабинета при императоре Александре III, получил звание титулярного советника. В 1894 г. участвовал в экспедиции на Алтай известного учёного А.А. Иностранцева, затем был назначен коллежским советником (1903), в 1910 г. работал в Горном управлении с откомандированием в распоряжение Общества каменноугольных копей, рудников и заводов в Сосновицах. Ему принадлежат важные работы по геологии и картографии Алтайского края. До сих пор сохраняют значение его исследования, выполненные вместе с профессором П.Н. Венюковым в каменноугольном бассейне р. Томи [4, с. 162], а также его обзоры геологических и топографических карт Алтайского округа [5, с. 65; 6].



В семье было четверо детей: погодки Орест и Олег, сестра Нина (уменьшительное Ника) и младший сын Юрий. Мать их, Надежда Емельяновна Плетнер, скончалась ещё до Октябрьской революции.

Письма в Японию В.И. Плетнера сохранились не полностью, двумя сериями: одна часть относится к 1917–1918 гг., вторая – к 1922–1923 гг. Здесь мы ограничимся выборочной публикацией корреспонденций, относящихся к 1917–1918 гг.

Письма В.И. Плетнера предреволюционных лет и первых месяцев после революции написаны в основном на плотной бумаге хорошего качества – на именном бланке с грифом «Член Петроградской Городской Управы В.И. Плетнер», иногда, видимо, за неимением под рукой другой бумаги, этими бланками пользовался и брат Олег. Письма от В.И. Плетнера, датированные 1922–1923 гг., написаны на четвертушках плохой бумаги, между строками

почти нет пробелов, но и в эти тесные промежутки адресант старается вписать вверх ногами продолжение письма – видимо, достать бумагу стало практически невозможно.

После революции академическая и служебная карьера Виктора Ивановича Плетнера пресеклась, в конце концов он покинул Петроград и стал заведующим школой в провинциальном городке Лихославль Тверской губернии. Школа эта была открыта в 1903 г. как двухклассное училище, и начинало в нём обучение всего четверо учеников. В 1918 г. училище было преобразовано в школу II ступени, в которой обучались дети железнодорожников, а также из семей, живущих неподалёку от школы. Туда-то и удалось получить назначение горному и межевому инженеру, сотруднику городской управы недавней российской столицы Виктору Ивановичу Плетнеру.

В архиве О.В. Плетнера нашлось письмо к Оресту в Японию от друга семьи, датированное 17 декабря 1924 г., по-видимому, врача (подпись неразборчива), рассказывающего о последних днях жизни В.И. Плетнера:

«Милый Орест! Наконец-то я собрался ответить тебе на письмо. <...> Мои здоровы, живут при мне, безработные, вообще о нашей жизни касаться не хочется. Я хотел написать тебе о последних днях твоего отца, которому удалось последний раз в жизни хорошее – это умереть в моём доме, окруженному любовью и лаской и уходом моей милой семьи. Последние дни он всё говорил, что я всё сделал, что мог, хорошо ли или нет, этот вопрос разрешить не могу, но хотел хорошего. Измученный условиями жизни, <...> он уже с января больной ходил на службу едва-едва и даже раз упал на снег и неизвестно, сколько пролежал на нём; все боялся, что прогонят со службы...».

Младший брат Олег в письме от 12 сентября 1923 г. написал о смерти отца Оресту в Японию так: «Сообщаю тебе печальную новость <...> 4 сентября в три часа скончался папа. О катастрофе Японии<sup>3</sup> ему не сообщали, да со 2-го он был в полусознательном состоянии».

Олег Плетнер (1893–1929), был младше брата Ореста на год, специализировался как историк и экономист, в частности, занимался японским аграрным вопросом, неоднократно бывал в Японии. В 1922 г. был выслан из Японии, как писал потом сам Олег, «за коммунистическую пропаганду». Как и все Плетнеры, перед революцией он, возможно, сочувствовал анархистам – о том свидетельствует, например, включение в соответствующий «Общий список социалистов и анархистов – участников сопротивления большевистскому режиму (25 октября 1917 – конец 30-х годов)» [7]. Видимо, после революции он одно время принадлежал к военной разведке: в электронном проекте «Хронос: всемирная история в Интернете» запись о нём можно отыскать под рубрикой «Лица в штатском», где говорится, что с 1918 по 1922 г. Олег Плетнер находился «в распоряжении Региструпра ПШ РВС Республики – РУ штаба РККА», то есть состоял при Регистрационном управлении Полевого штаба Революционного Военного Совета Рабоче-Крестьянской Красной Армии [8]. Олег умер молодым, успев при этом написать около 40 работ по японоведению, от внезапно и бурно протекавшей болезни, при невыясненных обстоятельствах (об этом Оресту пишет жена Олега в одном из сохранившихся писем). В некрологе японовед и китаист, впоследствии писатель Роман Ким писал о нём: «За семь лет (1922–1929) О. В. сделал то, что

<sup>3</sup> Речь идёт о Великом землетрясении в Канто 1 сентября 1923 г.



иной учёный не может сделать за всю свою долгую жизнь: создал плеяду молодых японистов – практических работников на Востоке, подготовил академическую смену, написал ряд любопытных и остроумных исследований по японской филологии, истории литературы и театра, опубликовал ряд популярных работ по Японии и, наконец, положил начало планомерному изучению экономической истории Японии, в частности аграрного вопроса» [9, с. 381–383].



О представителях этой семьи можно говорить подробнее, пока же ограничимся этим и приведём отобранные мною письма В.И. Плетнера и Олега Плетнера к Оресту, приходившемуся им соответственно сыном и старшим братом. В публикации сокращены некоторые частные семейные подробности, а также сообщения о неизвестных персонах, если они не имеют отношения к истории японоведения или к социально-политической обстановке.

Как мне представляется, ценность этих писем, прежде всего, историческая, это подлинные документы эпохи, написанные представителями российской интеллигенции начала XX века. Из писем отца и брата Ореста Плетнера в Японию можно представить себе, в какое положение попал Орест, ещё в самом юном возрасте оторванный от семьи и от родины и при этом чувствующий свою неразрывную связь с семьёй и свой долг по отношению к родным, внезапно попавшим в воронку исторического катаклизма. Мы узнаем, например, что Орест хотел даже немедленно вернуться, чтобы не бросать своих близких перед лицом надвигающейся беды, обдумывал возможности их переезда в Японию. И до конца своих дней он подчёркивал, что он – не белоэмигрант.

Письма Ореста Плетнера к отцу, насколько мне известно, не сохранились, поэтому только по письмам, обращённым к нему самому, мы можем судить о его реакции на события в России и в его родном доме, который его отец в письмах называет «гнездом» и который не пощадила история.

**Письмо от отца**

№ 58 2го августа 1917 г.

Дорогой Орест!

*Что-то остановились от тебя письма, а я так радовался, что получал их часто. Твою табачную просьбу пока исполнить не могу, т.к. не только нет очереди, но нет ни папирос, ни табаку у «Режи»<sup>4</sup>, да, кажется, и в Петрограде для частного покупателя. Как только появится, то постараюсь. Жизнь здесь всё более и более осложняется: разбирают вопрос о выселении из Петрограда и об остановке учения. Написал бы Олегу через тебя, чтобы употребил даже невозможные средства, чтобы задержаться в Японии, но думаю, что теперь поздно уже писать, и он так или иначе решил свою судьбу. Денег я ещё не перевёл, полагаю сделать на днях, сейчас очень занят бесконечным спором с Управою и осложнениями в новом типографском деле. Внезапно появилась у меня кухарка Дуня, выгнали с места, ибо, конечно, она думала, везде можно так, как у нас, что вздумает, то и делать; но платя много, обыкновенно, требуют весьма много.*

*Уже объявлено, что в Университете лекции начнутся не ранее 1го октября.*

*Вообще доигрались.*

Твой В.П.

**Письмо от отца**

№ 61 13 августа 1917 г.

Дорогой Орест!

*Пишу тебе письмо уже без отношения к Олегу, т.к. получил от него из Харбина телеграмму; следовательно, он числа 20го будет у нас. Сознаю тебе, что этим обстоятельством я весьма опечален, и почему-то мне кажется, что он не употребил достаточно энергии, чтобы удержаться в Японии. Я, конечно, желал всегда, да и желаю, чтобы все мы постоянно были объединены и жили бы вместе, но, с одной стороны, здоровье Олега, а, с другой, у нас творится что-то невероятное, а при его положении, полувоенном, полугражданском, совсем худо. Ко всему этому следует добавить, что на днях и хлеб будет весьма затруднительно доставать. Пока от тебя из Японии нет известий; вероятно, первые привезет Олег, так как, я думаю, что он встретился с тобою, лучше сказать, ты застал его в Токио. Мои дела в очень ещё вопросительном положении. С типографией могло бы наладиться, если бы не «товарищи», они ставят палки в колёса и выходит ни себе, ни людям, пока ещё надеюсь пустить дело в ход; других дел не имею, да и добыть едва ли возможно, ибо всё и везде у нас останавливается. В Городском Управлении по-старому, я министр без портфеля, 20го будут новые выборы, и приблизительно к этому же сроку и совсем придётся покинуть Городское Управление, что, конечно, ничего не меняет в моём положении. Поклонов тебе не передаю, т.к. сижусь совсем одиноким.*

Твой В.П.

---

<sup>4</sup> Известный табачный магазин в дореволюционном Петрограде.

### Письмо от брата Олега

№ 20 8 октября 1917 г.

Дорогой Орест!

Наши дела ты, должно быть, знаешь из телеграмм<sup>5</sup>. Положение становится тревожным. Немцы заняли Эзель<sup>6</sup>. Положение Ревеля<sup>7</sup> почти безнадежно. К Петрограду доступ открыт. Спешат эвакуироваться, и если не подступит скоро зима, то, вопрос, как говорят, лишь в том, будут ли немцы брать Петроград или нет. Т.е. захотят – или нет.

Все требуют мира и, должно быть, он будет заключён скоро. Надо думать, парнусская<sup>8</sup> конференция положит конец этому разврату.

Я пока что работаю в Цензуре в качестве японского цензора и буду готовиться в Министерство иностранных дел, куда, ежели ничего к тому времени не изменится, поступлю к 1 января. (Против Вашего посольства в газетах левых ведётся усиленная пропаганда, и Крупн<sup>9</sup> даже вместе с Г.А. Казаковым<sup>10</sup> не выдержат долго. Вышибут.

Твоё университетское заявление я передал С.Г. Елисееву. Он нашёл, что, может быть, его не следует подавать, т.к. оно написано не совсем гладко и с многими промахами, а затем уже совет Университетский, вернее, факультетский, имел место и было решено признать за Тобой право остаться при университете, т.к. предполагается, что если, почему-либо, Ты университету понадобишься, то Ты всегда, по первому его требованию, покинешь посольство и вернёшься в Alma Mater. Относительно оставления за тобой the topeu кажется слабо, но ещё не определённо. Рамминга уже решено вычеркнуть и поставить на Black list, дабы неповадно было. В совете общества или, вернее, японской секции общества Востоковедения Елисеев предложил мне и Конраду заместить выбывших Тебя и Рамминга. Совет, кажется, in corpore войдёт в союз печати при Совете Крестьянских Депутатов по контролю над сведениями из Японии, но это ещё не решено, а потому надлежит хранить в секрете.

Мне предложили прочесть доклад о рабочем движении в Японии к январю – если к этому времени Петроград не возьмут немцы – прочту.

Министерство иностранных дел, может быть, будет эвакуировано в Москву. <...>

Пишу я из Цензуры, делать особо нечего, т.к. Японские письма бывают редко, большие открытки, написанные по стереотипу.

Занимаюсь я по-Японски с одним Японцем Iwai san, довольно милый господин, хорошо одет – я его обучаю по-русски. Я читаю с ним книги по японскому рабочему вопросу, в котором он, к сожалению, понимает очень слабо. Он же «изучается историей» и довольно сносно читает, но в разговоре не силён, сбивается всегда на японский.

<sup>5</sup> Имеются в виду оперативные сводки в газетах о ходе Первой мировой войны.

<sup>6</sup> Остров Эзель, ныне Сааремаа, – самый большой остров Эстонии и Моонзундского архипелага.

<sup>7</sup> Прежнее название Таллинна.

<sup>8</sup> Имеется в виду г. Пярну (до 1917 г. назывался Парнов). Конференция, скорее всего, не состоялась в связи с революцией в России.

<sup>9</sup> Прозвище В.Н. Крупенского, который в 1916 г. был назначен послом в Японию. После Октябрьской революции 1917 г. оставался на своём посту в качестве «посла без правительства», так как большевистское правительство сначала не было признано Японией, и даже был избран дуайеном дипломатического корпуса.

<sup>10</sup> Руководитель Дальневосточного отдела МИД императорской России.



*Я тут занялся ещё писательством в крайне левых газетах. Недавно была помещена статейка о рабочем вопросе в Новой Жизни. «Новую Жизнь» с этой статьёй прилагаю. <...>*

*Олег П.*

### Письмо от отца

*№ 72 23 октября 1917 г.*

*Дорогой Орест!*

*Хотя я и знаю, что находишься в настоящее время в лучших условиях, чем мы, но грущу, что далеко от нас. Много есть вопросов, которые при наличности твоей были бы яснее. За прошедший год ты уже показал себя с серьёзной стороны и много дельных советов вносил в мои планы.<...>*

*Политическая теперь у нас неделя «о Верховском<sup>11</sup>», ты, конечно, давно уже это знаешь, да кое-что есть и в посылаемых тебе газетах. Здесь идёт лихорадочная работа по агитации в Учредительное Собрание; я втянут опять. Много равноправия женщин. Однако думаю, что Учредительное Собрание будет сорвано, уж очень у нас напряжён воздух. Всё это пишу тебе зря, ибо, когда дойдёт до тебя это письмо, события скакнут ещё века на два вперёд. Мой взгляд ты знаешь, и заключается он в том, что голодному нельзя давать есть вволю, тогда смерть его неизбежна, у нас же 68 % населения думает ещё, что мир на трёх китах покоится, а прочесть о существующем не может, по той простой причине, что читать не умеет. И вот эту-то массу пускают учить Европу. Результат очевиден – дохождение России до второстепенного государства. <...>*

*Уже сахар иссяк, хлеба дают по 1/2 фунта на человека, <...> мясо покупаем около 3 р. за фунт. День теперь обходится, не считая квартиры и топлива, до 20 руб. Вот тут и живи, как знаешь!!! <...>*

*Тебя целуют Ника, Юра и Олег. Юра работает в лаборатории в университете и слушает лекции, которые пока что начались.*

*Твой В.П.*

### Письмо от отца

*№ 73 3го ноября (с. с.) 1917*

*Дорогой Орест!*

*Мы получили от тебя письмо от 19го ноября нашего стиля и к удивлению в срок, и ещё большее удивление, что вообще получили, ибо оно переполнено такими выражениями, что по нашим временам недопустимо. Пока у нас царство Ленина и Троцкого. Ужасы повсюду; видимо, у нас в Петрограде легче, чем в других местах, и не сладко живётся только из-за невероятной дороговизны, причём мои заработки приравнялись к нулю, так как во всех ведомствах и частных делах идёт разгон служащих, а приём новых обусловлен так, что согласиться значит отказаться от самого себя.*

---

<sup>11</sup> Александр Иванович Верховский – с 30 августа (12 сентября) 1917 г. военный министр Временного правительства, 1 сентября (14 сентября) 1917 г. произведён в генерал-майоры. 18 октября (31 октября) 1917 г. на заседании Временного правительства выступил за заключение мира с Германией, но не получил поддержки остальных членов правительства.

Учительство я продолжаю, но Катюня давно приостановила платежи. Олег служит в цензуре по расчёту 10 руб. в сутки, да я всё ещё получаю за охрану типографии; вот эти крохи и поддерживают существование, подкрепляемся из капитальной суммы, которая, конечно, тает; но так как ты знаешь, что сия капитальная сумма ничтожна, то и возможно дойти до краха. Всё же ты из Японии ничего не переводи. Я тоже лишён возможности (пока) переводов тебе. (Перевёл только 500 р., хотя в теперешнем Министерстве служит Поливанов, но он ведёт себя с такою неопределённостью, что через него даже Олег затрудняется действовать.) <...>

У нас сейчас начались винные погромы: расхищают и громят погреба. Меры приняты, но приявшие приемлют, и успокоение не начинается. 11го и 12го декабря (с. с.) стрельба стояла по всему Петрограду; да и действительно опасны только шальные пули, ибо стреляют зря. Сегодня получили сведения, что японцы заняли Владивосток, так ли это, ещё не знаем. Нас теперь ничем нельзя удивить. В твоём письме высказана надежда о выходе России из всех затруднений, я же считаю, что Россия скончалась. Исходя из этого, мы с Олегом думаем предпринять шаги о назначении тебе стипендии от Университета – учёные нужны всему миру, а дипломатия только существующему государству, да и думаем, что жалованье вам перестанут посылать. Ты также пишешь о проекте переселения всех нас в Японию и хлопотах твоих через Степанова; что же, продолжай; сие ничему не помешает. Мы тоже часто об этом говорим, но обстоятельства кругом меняются с такой быстротою, что всякая планировка является фантастичной.

<...> Буду писать тебе часто, как и прежде.

Твой В.П.

### Письмо от отца

№ 74 4 ноября 1917 г.

Дорогой Орест!

Пишу не с вализою<sup>12</sup>, ибо думаем с Олегом, что вализа не тронется с места, т.к. министерство ваше почти сплошь подало в отставку, а вообще творится такая история, что в истории народов будет озаглавлено: «самоубийство огромного государства». Газеты собраны для тебя за это время, но они однобокие, т.к. свобода печати оказалась понятие весьма относительное. Живётся очень плохо, но думаю, что личная безопасность сравнительно обеспечена, однако нищета и голод грозит, вне сомнения, и нашей семье. От тебя нет давно писем, конечно, это не от твоей воли, а от почтовых и всяких иных осложнений. Я не забыл твоего дня ангела и поздравляю от себя и от всех наших. Запоздало, это верно, но я всё думал, что можно будет сие сделать обстоятельнее с вализою. <...>

Перевод тебе денег (250 р.) в ноябре неминуемо затянется, т.к. не узнать точно – дойдёт ли. Сейчас министерство ваше за отсутствием лиц ничего не принимает. Тебя целуют Ника, Юра, Олег и Митька и кланяется нянька.

Твой В.П.

<sup>12</sup> Т.е. с дипломатической почтой.

**Письмо от брата Олега***[16 декабря]**Дорогой Орест!*

*От Тебя недавно получили письмо, Ты как-то странно оптимистически смотришь на происходящее. Оптимистически смотришь на ход Твоих дел. Ты, кажется, вполне уверен, что наше новое правительство будет изъято из употребления очень скоро и что на смену ему явится то же временное правительство. Это совершенно неверно. Лично я думаю, что реакция неизбежна, но, чтобы этот последний акт русской трагедии был в одном действии, очень сомнительно. Не думаю также, чтобы Ты и Твои коллеги по посольству могли бы продержаться на своих местах сколь-либо продолжительное время. Прилагаю вырезку из «Правды» о «Республиканском после Крупенском и его присных». Посольству в Токио, как мне известно, была послана телеграмма Поливановым, согласны ли вы продолжать нести свои обязанности при большевиках. Ответа не последовало. Вследствие этого вам прекращена высылка содержания. Крупенскому было предложено в случае, [если] он не согласится остаться временно послом, передать свою должность первому из чинов посольства, на это согласному. Дальневосточная пресса держит вас из-за биржевых спекуляций в кругу сообщений безусловно ложных. Говорит о поражении Большевиков, как о факте совершившемся, оснований нет никаких. Большевики пользуются огромным влиянием на массы. Восстание Керенского было полным крахом коалиции. Восстания Корнилова и Каледина осуждены на неудачу. Восстановить армию нельзя: её нет. Она разошлась по домам. Державы «Согласия» фактически находятся в сношениях с М.И.Д. Вопрос за учредительным собранием. Оно будет считаться с миром, как с фактом свершившимся, а земельную программу Большевиков оно признает, т.к. более 3/4 собрания социалисты. Как только «учредилка» соберётся, с Россией станут разговаривать державы. Власть предрержающая поправеет, конечно, но надежды на возврат к прежнему «Керенскому порядку» никакой нет. Не исключается возможность чёрной реакции, но и она не сможет пройти в несколько дней. По всем этим соображениям я бы советовал быть крайне осторожным и не особенно доверять японским газетам.*

*В М.И.Д. я бываю, но от всякого участия в его делах отказался, хотя в принципе вполне согласен с уничтожением тайной дипломатии. Разрушительная работа большевиков великолепна. Может быть, легче будет строить после них.*

**№ 82 [Приписка на письме Олега Плетнера от отца, В.И. Плетнера]***16 декабря нашего стиля*

*Дорогой Орест, мы получили от тебя письмо от 30го ноября, вероятно, нового стиля, в двух открытках. Мне представляется весьма странным твоё желание попасть в Россию, а в частности к нам в Петроград. Конечно, ты не сомневаешься в нашем общем желании видеть тебя и с тобою вместе бороться со всеми осложнениями; но у нас начинается форменный голод, да кроме того и идёт невообразимая чепуха, т.ч. если было бы возможно, то и мы удрали бы куда-либо; так что на твоём месте я ни в каком виде не старался бы покинуть Японию; в случае даже если тебя лишат заработка, то и тогда ты на месте (Япония) с твоими знаниями найдёшь заработок. Сюда ехать безумие. Пока мы все*

благополучны. Ты написал, что не получил денег, но и мы через Мин-во Ин. Д. перевели тебе 500 р., и Заварзин перевёл тоже 500 р. в благоприятствующей валюте.<...> Пока приходится быть с тобою в контакте только путём почты. Хотя Поливанов теперь играет огромную роль в вашем Мин-ве, но ничего нам не оказывает. Теперь перестал и бывать, впрочем, он очень занят. С ним общение теперь и иметь страшно, ибо ему не протягивают руки прежние соратники и на поле науки, и на поле службы в М-ве.

<Письмо оборвано>

### Письмо от брата Олега

5 февраля 1918 г.

Дорогой Орест!

От Тебя что-то слишком долго никаких писем. Почта же из Японии идёт довольно аккуратно. Мы все не можем это никак объяснить. Никаких распоряжений о конфискации корреспонденции бывших представителей России нет. Осторожность однако требует, чтобы в письмах не особенно ругаться, т.к. письма с тенденциозно политической окраской задерживаются. Мне бы особенно хотелось получить от Тебя известие относительно тех справок, которые я Тебя просил навести. Сейчас у меня есть некоторая возможность выбраться на восток, что, должно быть, будет мной использовано. Как только выеду, дам Тебе на всякий случай телеграмму. Предполагаю сперва взять курс на Владивосток. Хотелось бы конечно к приезду туда иметь сведения о возможностях в Японии. Получишь Ты это письмо, по всей вероятности, тогда, когда я буду уже в пути или, во всяком случае, близко к этому. Может быть, можно было написать на имя профессора Спальвина с просьбой передать мне. Конечно, может быть, моя поездка ухнет, но в таком случае я тебя сразу поставлю в известность.

Русский рубль ещё падает, поэтому Твоя операция денежная должна быть признана неудачной, если переменял обратно, только выиграл. Ты, по всей вероятности, читал наше творчество в виде декретов по финансам. Надо понимать, что наше Петроградское правительство, безусловно, назад не пойдёт. Выхода из создавшегося положения нет. Советская власть в таком виде удержаться может лишь тогда, когда в Берлине будет правительство Либкнехта. Мировая революция или торжество капитализма в России. Трудно сказать, каковы будут результаты, но с уверенностью можно сказать, что пока у нас снова не поднимет голову капитализм, все русские ценности на международном капиталистическом рынке будут очень низки, и всякому небезумному игроку, желающему сорвать миллионы, конечно, всякому, кто не верит в торжество мировой революции, держать свои сбережения в русских деньгах странно.

В Петрограде ждём голод. Трудно предположить, что полная демобилизация не даст осложнений. В связи со всем этим идёт безумная спекуляция. Против неё бороться бессильны власти. Торгует все. Купить можно всё, что угодно, и все голодны. Цены всё растут, конечно. Конина, которую мы едим, стоит уже 2 руб. фунт. Сахар 12 рублей, а одновременно у «Медведя» можно пообедать, как в мирное время, с вином за 150–200 рублей. (Конечно, с одной-двумя бутылками красного или белого. Другие вина много дороже.) Мы с Сымановичем были недавно у Медведя и заплатили за обед из двух блюд «а ла карт» и

сладкого 168 рублей без чаевых. Вина не было. Вот куда идут продукты, но, должно быть, и этого скоро не будет. На востоке, говорят, жить легче. <... >

Как себя чувствуют твои коллеги? Как Бароны? Должно быть, у всех достаточное количество ен<sup>13</sup> на счетах в Роа гинко. Крупенскому без японских войск не рекомендуется въезжать в Россию – расстреляют. Будет весело. Но для расстреливаемого это неприятно. У нас все наши контр-революционеры с большим нетерпением ждут и немцев, и японцев. Слухи распускают самые невероятные. Ты, конечно, знаешь, что состояние войны между Россией и Союзом<sup>14</sup> прекращено без всяких мирных договоров. Это первый случай, кажется, впрочем, в истории диких племён, может быть, и бывал, но этим не следует смущаться. Как развернутся события дальше, трудно себе представить, интересно было бы узнать, что говорят наши друзья японцы. Но кто бы ни взял верх, какая бы партия ни восторжествовала, жить в России для всех – и для пролетария, и для буржуа – будет не в одинаковой степени, но все же трудно. Лучшие где-нибудь мирно служить в банке или в магазине в Шанхае, чем быть министром иностранных дел в России. Здесь ещё долго не будет нормальной жизни. Сражаться же все устали, и очень немного людей, изнасилованных 4-летней бойней, пойдут снова на верную смерть из-за синей птицы – социализма. При самом лучшем отношении к интернационалу всё же невольно думается, что ведь это только первая открытая попытка провести в жизнь принципы социализма (не считая мертворожденной парижской коммуны), где же было, чтобы первые шаги были удачны. Надо принять в соображение сплочённость и силу капитала. Буржуазия, конечно, напрасно винит в подкупности наше правительство, серьёзная часть её этого и не думает, но и советская власть вполне сознаёт, что сделано ими сверх ожиданий много, что дальнейший успех почти невероятен, но покамест правительство держится взгляда, что из-за этого почти стоит работать. Иного взгляда и быть не может, если принять во внимание, что для советской власти отбоя быть не может.

Ну, кланяйся всем своим. Может быть, скоро увидимся, поедим в Хонкане. Выпьём sake.

Олег

**На письме Олега Плетнера имеется следующая приписка от отца, В.И. Плетнера, с номером отправления**

№ 90 5/18 февраля 1918 г.

Дорогой Орест!

Мы чрезвычайно долго не имеем от тебя писем, так что очень встревожены, потому и пишем Невскому<sup>15</sup>. Олег, вероятно, пишет тебе о своих соображениях, и, присоединяя газетные сведения, ты заключишь, в каком мы безысходном котле кипим. Кругом полное разорение наших друзей, конечно, и нас. Голодаем изрядно. Я стал бегать по урокам, как студент; но пока нам поддержка из Токийского ресурса не нужна, всё равно не пропустят,

<sup>13</sup> Т.е. иен.

<sup>14</sup> Имеется в виду Тройственный Союз, которому в составе Антанты противостояла царская Россия.

<sup>15</sup> Сверху на письме другим почерком надпись «Для О.В.П.». Возможно, что приписка сделана Н.А. Невским, с которым Орест Плетнер одно время вместе квартировал в Токио.



*а когда будет нужна, известим. Главное, здоров ли ты. Пиши. Тебя целуют Ника и Юра и кланяется нянька и М-Це. Последняя в ужасном положении, проживает последний рубль, не пускают в Балтийский порт, а уроков, конечно, никто не берёт, ибо учиться прекратили.*

*Твой В.П.*

[К этой приписке В.И. Плетнера есть подчеркнутая приписка его же: «Ничего в рублях, всё в йенах»].

### Письмо от отца

*10/23 февраля 1918 г.*

*Дорогой Орест!*

*Письмо твоё от 24 ян. н.с. получили 22 ф. того же стиля, следовательно, довольно своевременно. Это письмо посылаем оказиею, т.к. все посольства отъезжают из Петрограда в Японию, и там должны быть отправлены по своим отечествам. У нас творится что-то совершенно не сообразное, о чём ты, вероятно, точнее узнаешь от выезжающих к вам друзей. Большевики явно погибли, хотя ещё властвуют, но нет никакого сомнения, что даже дни их сочтены; теперь везде на улицах, площадях, частных домах шлют им проклятия и явно грозят им. Немцы взяли Двинск и скорым маршем двигаются в трёх направлениях, одно из них на Петроград; но здесь у нас все кругом ждут их без негодования и по крайней мере совсем равнодушно. Объявлена священная война «защита Красной Армиею Красного Петрограда»; я же думаю, что такой армии не существует и не создать, и это является последними «красными» словами губившего Россию последнего правительства. Моё предсказание, сделанное ещё в бытность твою в России, сбылось с пунктуальной точностью: последний акт всей этой комедии оказалось иностранное вмешательство. Опасаемся, конечно, погромных случайностей, которыми всегда сопровождается вход неприятеля, как то было в Варшаве, Риге и т.д., однако бежать некуда (имение наше разгромлено), да и нельзя за бездействием железных дорог; хотя Олег через 10 дней собирается уезжать в Японию, но он будет иметь командировку, да ещё двинется один, тогда, может быть, и доберётся, чего, впрочем, тоже предсказать ещё нельзя. Здесь он много работал, и, главное, учился жизни, ибо приходилось быть меж двух огней. Я, конечно, жалею, что он едет, из эгоистических побуждений, т.к. он сильно помогал в нашей полуголодной жизни: не то чтобы тратил на эту жизнь, но был всегда с большими деньгами, чем и давал мне возможность изворачиваться, почти при отсутствии заработка. Кроме того, и веселее было от сознания, что нас больше, дома-то он бывал почти что на один обед. Дела мои (так, как и других учившихся граждан) весьма неважные: надежда на заработки плоха. <...> Если доедет в Японию Олег, он расскажет о нашем печальном житье. Нужно мне искать какой-либо выход, т.к. в этой квартире и тем же масштабом жить уже невозможно, а помощь от вас, во-первых, гадательна, а во-вторых, и посылать её невозможно, по дороге используют. Ещё напишу тебе об Е.Д. Поливанове: он серьёзно заболел и вышел из вашего министерства окончательно, выходит, что только испакостил себе будущее, хотя говорят, что и болезнь его – сухотка спинного мозга – роковая и краткосрочная. Тебя целуют Олег (вероятно, сам напишет), Юра и Ника, кланяется нянька, которая везде, где только может, скандалит против большевиков, но*

дома у нас ведёт себя героически, буквально всё делает одна, ничего не требует и не затевает никаких историй.

Твой В.П.

### Письмо от отца

№ 92 24 февраля/8 марта 1918 г.

Твоё письмо от 9 февраля н.с. мы получили 9 марта н.с. и то слава Богу. У нас произошло кое-что новое, а именно – Олег выехал 5 марта н.с. в Японию через Владивосток; когда попадёт к вам и попадёт ли – не знаю, т.к. едет с поручениями от правительственных учреждений (Арт. Упр-ия и Почтового Контроля), но насколько будет признан на местах, не ведаю. Во Владивостоке он должен пробыть около двух недель, так что думаю, что это письмо придёт к тебе раньше, чем он сам. Однако и за это нельзя поручиться. О наших политических новостях тебе писать не стоит, ибо когда это письмо придёт к тебе, будут ещё перемены и, полагаю, огромные, даже Олег привезёт тебе устаревшие новости. Мир?!?! и Война?!?! что-то небывалое. Полагают, что в Петрограде будут немцы, но мы уже оупели и уже не чувствуем ударов палок; конечно, доктрины большевиков сулили рай, а «оборвалась цепь великая, оборвалась и ударила одним концом буржуазию, другим же пролетария»<sup>16</sup>. Из Петрограда уже выехала большая часть правительственных учреждений, говорят, что сегодня выезжает и двор (Ленин с Великими... и проч.). Моё мнение, что личная безопасность по-прежнему стоит в зависимости от случайности, т.ч. не особо велика. Вот голодовка грозит. Твой план переезда всего нашего гнезда в Японию не осуществим по простой причине – отсутствие денег. Олег советовал то же, но свой отъезд обставил так, что даже Нику нельзя было отправить с ним. Кроме того, он увёз и деньги, не только свои, но и наши, ибо жил здесь более полгода, не неся никаких расходов, получал же довольно порядочно; я считал бы это в порядке вещей, если бы он не видел ту ужасающую дороговизну, которая царит у нас, а также полную мою изоляцию от всяких получений. Тяжело и огорчительно наблюдать в своих крайнюю эгоистичность, при которой мне для самосохранения приходится изобретать сверхмеры и по моему складу нежелательные, а ничего не поделаешь.

Ну об этом как-либо после. Вчера у меня был Заварзин и справлялся о вализе, с которой ты послал 790 р. Я, конечно, ничего не мог сказать, но завтра справлюсь, думаю, что деньги эти давно обслуживают «товарищей». Чудак же ты! Ведь, конечно, следовало держать всё в йенах и хранить до более благоприятного момента. Кстати: ничего в рублях, всё в йенах. Поэтому и наши деньги пока никак нельзя направлять нам ни при какой okazji. Будет ещё время, пока придётся стучать в это окно. Из твоего письма узнал, что ты был болен, сие не ладно: оберегайся, а главное – не увлекайся питием и курением, случайностей будет меньше, а с ними и заболеваемости. Тебя целуют Юра и Ника. Нянька кланяется.

Твой В.П.

<sup>16</sup> Видимо, здесь пародийный парафраз фрагмента поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в котором речь идет об отмене крепостного права:

Распалась цепь великая,/ Распалась и ударила, —/Одним концом по барину,/ Другим — по мужику.

### Письмо от отца

16/29 апреля 1918 г.

Дорогой Орест!

<...> Прежде всего горюю, что ни от тебя, ни от Олега не имеем известий целую вечность. От тебя сравнительно недавно проскочило письмо, но написанное тобою уже очень давно на имя Олега, к сожалению, написано оно по-японски сплошь, и мы, ясно, ничего из него не извлекли, а просить перевести у Елисеева или Поливанова не решились, т.к. степень секретности содержимого не знаем. Здесь у нас все ожидают каких-то решающих событий, но их нет, как нет, а вот голод уже пришёл: есть почти что нечего, хлеба пока получаем 1/8 ф. в день на человека, и то по газетам видно, что [это] будет продолжаться не более недели, а там стоп, и как раз Пасха. Было бы понятно голодовка «буржуев», а ведь она поголовная. Из Петрограда началось бегство, но и это, по моему мнению, ошибка, ибо голодать везде одинаково губительно, в Петрограде относительно более гарантирована личная безопасность. Всякий дальний выезд нам совершенно невозможен из-за денежных затруднений, а также и за невозможностью разделить с домашним имуществом, да и с надеждами на заработки. Наступают весьма тяжёлые праздники, тяжесть будет особенно чувствительна, т.к. сидеть будем глаз на глаз друг с другом, обязательные служебные и учебные уходы отпадут, причём недоедание и недописание будут особо чувствоваться. Представь, мы и теперь чай пьём с мятой свеклою, а и свекла теперь стоит 1р. 80 к. фунт. Вообще положение отвратительное. На третий день Пасхи Юра собирается ехать в имение, и если окажется, что там можно будет просуществовать, то Юра, Ника и нянька собираются туда поехать на лето; я же обречён сидеть, вероятно, и голодать один в Петрограде, т.к. добывать денежные, хотя и паршивые, знаки, только возможно для меня. Кстати, формула та же: ничего в рублях, все в йенах.

<...> Если Олег с тобою, доведи до его сведения письмо. <...>

Ваш В.П.

### Библиографический список

1. エルマコーワ・リュドミーラ 「プレトネル先生とエリセエフ先生のある手紙について」 『日露交流文集』 在日ロシア人研究会 東京 2002年.
2. エルマコーワ・リュドミーラ 「谷崎潤一郎の未発表の書簡と来日ロシア人達。オレスト・プレトネル等」 『国文学』 東京 2002年8月号.
3. Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, Series Minor, Studia Historica, 2005.
4. Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX века. Библиографический словарь / Ком. по культуре и туризму администрации Алт. Края; Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; Алт. краев. Рос.-Нем. Дом ; [сост. М.Л. Борцова и др.]. Барнаул, 2000.

5. Геологическая экспедиция в Алтайский округ. Отчёт Кабинету Его Величества о геологической экспедиции в Алтайский округ летом 1894 г. / А.А. Иностранцев, П.Н. Венюков, В.И. Плетнер Б.м., б.г. 154 с.: ил.; 3 л. карт.

6. *Плетнер В.И.* О картографии Алтайского округа // Труды геологической части Кабинета Е.И.В. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1895.

7. Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/slovnikreg/> (дата обращения: 08.07.2017).

8. Лица в штатском. 1917–1991. Библиографический указатель. URL: [http://www.hrono.ru/biograf/bio\\_k/kgb\\_p.php](http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kgb_p.php) (дата обращения: 08.07.2017).

9. *Ким Р.Н.* О.В. Плетнер // Новый Восток. Кн. 25. М., 1929.

Поступила в редакцию 11.07.2017

**Автор:**

**Ермакова Людмила Михайловна**, доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ (Япония), преподаватель университета Рицумэйкан (Киото). E-mail: [ermakova@gol.com](mailto:ermakova@gol.com)

## Selected Letters from Orest Pletner's

L.M. Ermakova

This paper contains a brief biography of Professor Orest Viktorovitch Pletner (1892-1970), one of the pioneers of Japanese studies in Russia who had lived and worked in Japan and had been awarded the Japanese Order of Culture IV Class for his scientific and educational work. The paper also presents materials from the scholar's archive - the letters from Petrograd from his father, V.I. Pletner, and his younger brother, Oleg Viktorovich Pletner, also a scholar of Japanology.

These letters are important documents of the history of Russian Japanese studies, mentioning such prominent Japanologists of the past as N.A. Nevsky, Ye.D. Polivanov, N.I. Konrad. At the same time, they are a lively response to the events that happened in Russia in 1917–1918.

**Keywords:** The history of Russian Japanology, Prof. Orest Pletner, Oleg Plether, V.I. Pletner, publication of archival documents.

Received 11.07.2017

**Author:**

**Ermakova Liudmila M.**, Ph.D., D. of Lit. Professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies; lecturer of Ritsumeikan University (Kyoto). E-mail: [ermakova@gol.com](mailto:ermakova@gol.com)